

Добрые люди

ИОСИФ, ЧЕЛОВЕК ДОБРЫЙ

*Иосиф Давидович
КОБЗОН*

Автор-составитель
епископ Балашихинский Николай

Москва • 2019

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-818-0687

Иосиф, человек добрый: Иосиф Давидович Кобзон / авт.-сост. Николай (Погребняк), еп. Балашихинский. — М. : Вече, 2019. — 96 с. : ил. — (Добрые люди).

Книга рассказывает о выдающемся певце, на протяжении сорока лет приносившем в каждый дом радость, надежду, добро и любовь; о подлинном патриоте России, стремившемся всеми силами служить своему Отечеству; о благотворителе и жертвователе; о человеке, обладавшем чутким сердцем и большим мужеством, который всегда был с теми, кому плохо; о музыкальном педагоге Иосифе Давидовиче Кобзоне.

© ООО «Издательство «Вече», 2019
ISBN 978-5-4484-0938-7 © Николай (Погребняк), еп., текст, 2019

ОН ВСЕ ДЕЛАЛ ОТ ДУШИ И ЧЕСТНО...

С народным артистом, лауреатом Государственных премий, депутатом Государственной Думы Иосифом Давидовичем Кобзоном мы сблизились летом 1998 года, когда я стал министром внутренних дел. В то время Кобзон принимал участие в налаживании добрососедских отношений с Дагестаном. Обстановка там была крайне беспокойной. И эта встреча помогла нам разрешить многие проблемы.

Иосиф Давидович был удивительно отважным, сильным и честным человеком. Все его поступки, как и песни, шли от души. И, конечно, его поведение во время захвата «Норд-Оста» можно назвать подвигом!

Миллионы людей любили его песни, находя в них поддержку. Иосиф Давидович никогда не отказывал и в прямой помощи. Припоминаю, как однажды он приехал ко мне с легендарным Павлом Буре, «Русской ракетой». Дело в том, что в Америке нашего хоккеиста окрестили чуть ли не главным русским коррупционером. Тогда я написал официальное письмо, кажется, в Госдеп США, в котором подчеркивал, что «Павел Буре не является коррупционером». И мое письмо возымело действие.

Одно из самых теплых воспоминаний об Иосифе Давидовиче у меня связано с днем рождения моей мамы. Хотя он не был знаком с ней лично, попросив у меня номер ее телефона, он звонил ей каждый год — 21 марта. Для нее это,

конечно, был праздник. Он говорил: «Ты знаешь, что для меня мама? Как я любил свою маму и сколько я взял от нее тепла и любви!»

Кобзон был старше меня годами, и я всегда прислушивался к его советам. Когда меня в очередной раз сняли с должности, он сказал: «Ни на какие должности больше не ходи, занимайся только общественной работой». Что я и делаю сегодня, возглавляя Российский книжный союз и Императорское Православное Палестинское общество.

Иосиф Давидович, будучи и сам большим любителем чтения, как никто иной, понимал важность и необходимость классической и историко-патриотической литературы в жизни народа, в деле воспитания молодежи. Мы неоднократно обсуждали с ним эту тему.

Он много раз ездил в борющийся Донбасс, и в ряде случаев я был рядом с ним. Одно из последних его поручений, которое на самом деле звучало как просьба: привезти в Донбасс хорошие книги. Это поручение я выполнил, организовав доставку 40 000 книг.

Я искренне верю, что имя Иосифа Кобзона будут помнить сотни лет, а лучший памятник ему — мир на Донбассе.

В память об ушедшем от нас в вечность Иосифе Давидовиче Кобзоне — певце, государственном муже и добром, милостивом человеке — издается эта небольшая книга.

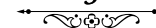
С. В. Степашин,
Президент
Российского книжного союза

*Некто, именем Иосиф, член совета,
человек добрый и правдивый.*

Лк. 23:50

Среди множества персонажей Библии имя Иосиф занимает заметное место: более двухсот раз говорит Священное Писание об Иосифе Прекрасном — одном из двенадцати сыновей ветхозаветного патриарха Иакова. О другом — скромном плотнике из галилейского городка Назарета, праведном Иосифе Обручнике, — упоминают евангелисты Матфей, Лука и Иоанн. Наконец, еще об одном праведнике — Иосифе из Аримафеи, тайном ученике Иисуса Христа, — рассказывают все четыре евангелиста. Они очень разные, эти три библейских Иосифа. Первый жил за двенадцать веков до Рождества Христова; проданный собственными братьями в рабство, он оказался в Египте; благодаря своей природной мудрости и высоким моральным качествам был назначен фараоном на должность верховного правителя. Не помня причиненного ему зла, он в голодные годы приютил своих вероломных братьев и всю родню. Праведного Иосифа почитают последователи трех религий мира — и христиане, и мусульмане, и иудеи.

Еще один Иосиф — Обручник, — скромный труженик, плотник, происходивший, однако, из рода самого царя Давида, как человек высочайшей нравственности, был в весьма преклонном возрасте назначен хранителем Девы Марии; сопровождал Ее в Вифлеем, после Рождества Христова и во время вынужденного бегства в Египет.

Наконец, Иосиф Аримафейский, человек богатый и знатный, член Синедриона (высшего религиозного совета в Древней Иудее), осмелился пойти к римскому наместнику Пилату, просил разрешения снять с Креста тело казненного Иисуса и, получив разрешение, похоронил в вырубленной в скале гробнице, принадлежавшей ему самому.

В переводе значение имени Иосиф — «Бог воздаст» или «Бог да умножит»; можно встретить и такой перевод: «Божья награда». Из трех вариантов перевода нам представляется наиболее подходящим «Бог да умножит». А что в нашей жизни умножает Бог — Творец и Судия, Всеведущий и Премудрый, Источник любви и Сам Всесовершенная Любовь, — что умножает Он в человеке, созданном Им по образу и подобию Божию? Об этом размышлял герой нашего повествования — Иосиф Давидович Кобзон. Лет пятнадцать назад он поделился своими размышлениями и воспоминаниями с известным автором исторических исследований

Н. А. Добрюхой — в результате родилась книга «Иосиф Кобзон. Как перед Богом», на которую мы будем неоднократно ссылаться.

Этапы большого пути

Наш Иосиф появился на свет в субботу, 11 сентября 1937 года, в городе Часов Яр Донецкой области — в то время она называлась Сталинской — в еврейской семье. Незадолго до начала Великой Отечественной войны семья переехала во Львов, где отец Иосифа, Давид Кунович Кобзон, работал начальником отдела кадров на кондитерской фабрике имени С. М. Кирова (и вкусные же были конфеты!). Ныне — это «Свиточ», крупнейшая на Украине кондитерская фабрика.

Иосиф Давидович называл свое детство счастливым — «счастливым, несмотря на то, что по нему прокатилась Великая Отечественная. Война стала главным воспитателем моего поколения»*.

По свидетельству маршала Г. К. Жукова, авиационные налеты на Львов начались в первые же часы войны. Уже на следующий день в предместьях города появились диверсионные группы — немецкие и оуновские¹. Немцам удалось захватить город 30 июня; в тот же день

* Здесь и далее звездочкой отмечены цитаты из книги Добрюхи Н. А. «Иосиф Кобзон. Как перед Богом». М. : «Известия», 2005.

националисты-бандеровцы устроили еврейский погром. Затем были Львовское гетто и Яновский лагерь смерти... Когда советские войска 27 июля 1944 года взяли Львов, из ста тридцати пяти тысяч довоенного еврейского населения там оставалось всего около двух тысяч человек.

...Это был едва ли не самый последний поезд, уходивший из горящего Львова на восток. Мать, Ида Исаевна Шойхет, сумела затолкать детей и стариков в товарный вагон. Иосиф Давидович вспоминал: «Отец ушел на фронт, а мать с детьми (тогда их было еще пятеро), со своим братом-инвалидом и мамой, нашей бабушкой, решила эвакуироваться. Я, когда возвращаюсь к памяти детства, совершенно четко помню эту нашу эвакуацию. Я помню этот вагон. Я помню переполненные станции. Я помню, как отстала мама, — она бегала за водой для нас и... отстала от поезда. Я помню, как все мы — и бабушка, и дядя, и братья, и я, как самый младший, — были в панике: пропала мама! А у нас всегда вся надежда была на маму. Но мама через три дня догнала нас на какой-то станции. Так мы попали в Узбекистан, в город Янгиюль, в 15 километрах от Ташкента»*.

О такой замечательной маме — она, без сомнения, была главным человеком в жизни Иосифа Давидовича — хочется рассказать подробнее. Ида Шойхет, девушка из многодетной семьи, уроженка Подольской губернии, рано потеряла

отца; тогда ей было всего тринадцать. Эта утрата заставила Иду Исаевну взвалить на свои хрупкие плечи заботу о семье. Девочка занималась выращиванием табака, работала на деревоперерабатывающей фабрике. В 1917 году жизнь шестнадцатилетней Иды — как, впрочем, и всей нашей страны — коренным образом изменилась. Ида Шойхет получила рабочее место на одном из заводов печально известного сегодня города Славянска; спустя несколько лет она стала... народным судьей².

«Мама моя любила меня. Любила очень. Любила больше всех. Потому что был я у нее самый младшенький. Это уже потом, когда в семье появился шестой ребенок — сестричка Гела, она стала самой любимой. Самой любимой еще и потому, что была девочкой. Мама никогда не звала меня по имени, а звала всегда: сынуля. И я любил ее. Любил очень. И всегда, всегда, до последних дней, звал ее: мамуля. Делала для меня она все, что могла. Если оставалась одна конфета, то, конечно, доставалась она мне. Если на Новый год маме удавалось достать мандаринку, то она стыдливо прятала ее от других, чтобы накормить мандаринкой меня. Не стало мамы у меня в 1991 году...»*

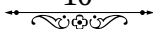
Как жилось семейству Кобзонов в эвакуации? Дадим вновь слово Иосифу Давидовичу:

«Мы жили в узбекской семье, в глиняном домике, где даже полы были глиняные. Мы все

Трехлетний Иосиф на улице Львова

жили в одной комнате. Наши семьи разделяла только занавеска. Когда устраивались на ночлег, выкладывались тюфяки, и все ложились, что называется, штабелями. Так жили с 1941-го по 1944-й. Каждое утро взрослые вставали на работу. Поднимали и нас, детей, чтобы покормить. Кормили в основном какой-то тюрей — и так,

Иосиф с медалями отчима за взятие Берлина.
Краматорск

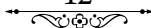
чтобы сытно было весь день. Варился и так называемый суп... Мама моя была в этом деле находчивая женщина. Хозяйка. Она делала еду, казалось, из ничего. Все съедобное шло в ход: картофельные очистки, щавель, просто зеленые листья или какая-то “кусачая” лечебная трава, которую так любят есть собаки и кошки, когда

им не хватает витаминов или нападает какая-нибудь болезнь. Все это она добавляла в бульон, для которого покупала свиную голову и свиные ножки. Варила их, и получался жирный бульон. Чистые, золотистые капельки жира в нем были такие, что текли слюни. Большой алюминиевой выварки бульона нам хватало, чтобы жить целую неделю. Хлеба не было. Лишь иногда нас, детей, баловали узбекскими лепешками...

Мы жили рядом с забором маслобойного завода, и там нам удавалось разжиться жмыхом, который делался из отходов семечек подсолнечника. Пахучий, до приятного головокружения, и такой твердый, что его можно было грызть бесконечно. Этот жмых был главным детским лакомством. Еще мы насыщались смолой, обыкновенной черной смолой. Мы жевали ее целыми днями. Ходили и жевали. Это была наша жвачка. И этим мы тоже утоляли голод.

...Покормив, взрослые выгоняли нас гулять на улицу. Весь день и день за днем мы проводили на улице. Гоняли с мальчишками босиком, устраивая обычные пацанячьи игры. Так что, можно считать, моим детским садом была улица. Не сказать, чтобы я тогда всегда был заводилой, но всегда руководил всем как командир. Конечно, дрались. Но очень быстро мирились. И тем самым учились не держать друг на друга зла. Потрясающе добрый и гостеприимный узбекский народ останется в моей памяти навсегда.

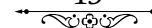

...Скоро жить стало немножечко легче. Мама начала работать начальником политотдела совхоза. До этого, на Украине, еще с Часова Яра, она работала судьей. Мы с братьями как могли помогали ей. Бегали на базар продавать холодную воду. С кружками. “Купи воду! Купи воду!” — на перебой кричали мальчишки. И в жару, под палящим узбекским солнцем, ее охотно покупали. Правда, за какие-то копейки. Но и это помогало нам жить. И мы выживали и... выжили»*.

В самом начале войны отец, Давид Кунович, ушел на фронт политруком; в 1943 году он был контужен, после лечения демобилизован, но в семью не вернулся: встретив другую женщину, он женился на ней и остался в Москве.

Семья же, как только Донбасс в 1944 году освободили от немцев, вернулась на Украину и поселилась в городе Славянске, в семье погибшего брата Иды Исаевны Михаила — тети Таси, как ее называли дети.

«До 1945-го мы прожили у тети Таси; там же встретили День Победы. Потом переехали в Краматорск. Мама работала в суде адвокатом. Здесь в 1945-м пошел в школу. Все легло на мамины плечи. Бедная мама моя. Досталось ей горя! Но все она выдержала. А в 1946-м встретился ей по-настоящему хороший человек — Михаил Михайлович Раппопорт, 1905 года рождения. И к нам в семью пришла радость — появилась сестричка Гела. Язык

Иосиф с сестрой Геленой и братом Эммануилом
в пионерском лагере «Пчелкино» под Краматорском

не поворачивается назвать этого человека отчимом. Я с гордостью звал его Батя. Мы все до конца дней безумно любили его. Он рано ушел из жизни, не хватило здоровья у бывшего фронтовика, чтобы жить. Воевать всю войну — хватило, а вот жить... Но во мне он по-прежнему — есть! Батя. Мой Батя!»*

Добавим, что, когда его мама вышла замуж, у Иосифа появилось еще два сводных брата и сестра. В конце 1940-х годов семья перебралась в Днепропетровск; своего жилья не было, и до 1957 года комнату приходилось снимать. Иосиф учился на отлично: «Странное дело. В детстве я всегда был отличник — и одновременно хулиган. Но не в том смысле, что антиобществен-

Иосиф Кобзон с мамой и младшей сестрой

ный элемент, а просто никогда не отказывался подраться, если драться нужно было, как говорится, за справедливость, то есть был я хулиганом иной породы — мне нравилась роль Робин Гуда. Для мамы я оставался “сынуля”, а улица звала своего командира Кобзя. Улица, конечно, затягивала и меня, но никогда не мешала хорошо учиться»*.

«Воспевать надо то,
во что веришь и что любишь»

Примерно в это время открылся у мальчика по имени Иосиф талант — тот самый талант, который он преумножил и который сделал его знаменитым.

«Петь, — вспоминает Кобзон, — я научился сперва от мамы, а потом уже продолжил на уроках пения и в кружке художественной самодеятельности. Мама очень любила петь романсы и украинские песни. У нее был патефон и много пластинок.

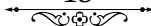
Нравилась ей песня “Дывлюсь я на нэбо, тай думку гадаю...” И мне тоже понравилась. Я любил подпевать маме. Долгими вечерами при керосиновой лампе это было какое-то волшебное, какое-то завораживающее действие и зрелище. Тоску сменяла радость, слезы — веселье, когда пела свои любимые песни мама»*.

«У мамы сохранились похвальные грамоты с “Лениным и Сталиным” — в основном за мою учебу. Но есть среди них и такие, которые свидетельствуют, что я был победителем и на олимпиадах по художественной самодеятельности. Одна из них — девятилетнему Кобзону “за лучшее пение”. Мне тогда, в 1946–1947-м, нравилась песня Блантера “Летят перелетные птицы”. Пел я ее просто от души в Донецке, а потом и в Киеве»*.

В 1946 году в Москве проходил Всесоюзный смотр самодеятельности, куда будущий народный артист приехал в составе ансамбля. Мальчик выступил с песней «Летят перелетные птицы» перед самим Сталиным, даже не подозревая, что на главную сцену страны он поднимется еще не раз и еще не раз руководители страны будут ему аплодировать. Иосиф Давидович, вспоминая

это выступление, говорил, что выступить перед вождями стало для него с тех пор «традицией». Отметим, что Иосиф Кобзон умел уважать власть, не лебезя перед ней и даже вплетая иногда в диалоги с первыми лицами страны легкую и позволительную, пожалуй, одному ему иронию. Впрочем, пора дать слово самому Кобзону: «Перед выступлением нам сказали, что на нашем концерте будет Сталин. Это было в Кремлевском театре — тогда в Кремле еще был театр. Сталин сидел в ложе среди членов правительства. Рядом с ним сидели Молотов, Ворошилов, Булганин. Берии и Маленкова не было. Я видел Сталина только со сцены, когда пел. Ложа находилась метрах в десяти от меня, с правой стороны от сцены. Когда нам сказали, что будет Сталин, мы боялись выступить — не потому, что боялись Сталина, а боялись, что, как увидим его, так язык, ноги и руки перестанут слушаться и мы выступить не сможем. Тогда не было принято записывать фонограммы, как это делается сейчас по принципу, как бы чего не вышло, чтобы, не дай Бог, что-то непредвиденное не произошло при президенте, на случай, если кто-то слова забудет или, что еще хуже, лишнее скажет... Тогда, слава Богу, было другое время. Все должно было быть настоящим. И поэтому мы, чтобы не ударить лицом в грязь, все тщательным образом репетировали. Прогон концерта шел по несколько раз, но мы все равно жутко волновались...

Я пел песню “Летят перелетные птицы”. Я пел, и Сталин слушал меня. Я не мог долго смотреть на него, хотя очень хотелось. Дело в том, что перед выходом на сцену меня предупредили, чтобы я долго ни на кого не смотрел, чтобы естественно смотрел на все части зала. И хотя очень хотелось рассмотреть Сталина, я сделал, как мне говорили. Очень мало я видел его, но, помню, успел разглядеть, что был он в сером кителе. Я спел и поклонился, как, видел, кланяются в кино любимому царю. И поклонился уважаемой публике. Я спел и имел большой успех. Спел и на ватных детских ногах ушел за кулисы. Спел самому Сталину. Так начиналась моя карьера. Я был еще маленький и толком не понимал еще, что такое “вождь всех народов”... Его называли Иосиф, и меня мама моя назвала Иосифом. Я думаю, остальным выступавшим, кто был постарше, было намного сложнее. К сожалению, в подробностях я не помню, как реагировал на мое выступление Сталин. Поскольку не помню, не хочу рассказывать, что кричал он “браво”, поддерживая нескончаемые аплодисменты, или улыбался мне... Сейчас я бы мог сказать что угодно, но не хочу соврать. Просто такого не помню. Помню, что иногда смотрел на него. Еще помню, как за год до этого, приезжая в Москву, тоже на смотр художественной самодеятельности, я Первого Мая на Красной площади участвовал со всеми в демонстрации перед Мавзолеем. Помню, как все мы влюбленно

и восхищенно смотрели на руководителей партии и правительства, которые организовывали и вдохновляли мировую победу над фашизмом, и особенно во все глаза глядели мы на нашего героического, но простого вождя. Все это я хорошо помню. Навсегда остался в памяти салатовый занавес в Кремлевском театре...»*

Когда через много лет, уже будучи известным и всенародно любимым исполнителем, Иосиф Кобзон показал грамоту, полученную за то давнее выступление на Всесоюзном смотре, Матвею Исааковичу Блантеру, старый композитор расплакался...

Но над тем, чтобы данный Богом талант засверкал своими яркими гранями, Иосифу пришлось немало потрудиться. Уже находясь на вершине славы, Иосиф Кобзон говорил: «Я очень сожалею о том, что мало делаю. Сплю по пять-шесть часов и все равно не успеваю».

Вспомним Евангельскую притчу о талантах — человек, изрядно потрудившийся и преумноживший данные ему таланты, услышал такие слова: *Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость Господа твоего* (Мф. 25:21).

Иосиф Давидович Кобзон прожил долгую и насыщенную поистине уникальными событиями жизнь. Его мгновенно узнаваемый голос, песни, которые он пел, глубоко сплелись с жизнью не одного поколения, стали настолько

